

САМАЯ НУЖНАЯ
книга для каждого

САМЫЕ ОСТРОУМНЫЕ
ПРИТЧИ И АФОРИЗМЫ
ФАИНЫ
РАНЕВСКОЙ

Файна Георгиевна Раневская
Самые остроумные притчи и
афоризмы Файны Раневской
Серия «Самая нужная
книга для каждого»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23565286

Самые остроумные притчи и афоризмы Файны Раневской: АСТ;

Москва; 2017

ISBN 978-5-17-101398-1

Аннотация

В течение жизни человек проводит в туалете почти полтора года. Не сидите впустую – читайте! В этой книге собраны высказывания самой цитируемой женщины за всю мировую историю. Каждый, повторяем, каждый ее афоризм стоит выучить наизусть. Начните хотя бы с этого: «Помните, я говорила в прошлом году что жизнь г*вно? Ну так это был еще марципанчик».

Самые остроумные притчи и афоризмы Фаины Раневской

Настоящая фамилия Раневской Фельдман. Она была из весьма состоятельной семьи. Когда Фаину Георгиевну попросили написать автобиографию, она начала так: «Я – дочь небогатого нефтепромышленника...» Дальше дело не пошло.

* * *

В архиве Раневской осталась такая запись: «Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо не хочется. Хорошо неприлично. Значит, надо молчать. К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке. Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю с этой отдачей. Воспоминания – это богатство старости».

* * *

В юности, после революции, Раневская очень бедствовала и в трудный момент обратилась за помощью к одному из

приятелей своего отца.

Тот ей сказал:

– Дать дочери Фельдмана мало – я не могу. А много – у меня уже нет...

* * *

– Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея...» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стая, угрожает оторвать мне голову Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены.

* * *

– Белую лисицу, ставшую грязной, я самостоятельно выкрасила чернилами. Высушив, решила украсить ею туалет, набросив лису на шею. Платье на мне было розовое, с претензией на элегантность. Когда я начала кокетливо беседовать с партнером в комедии «Глухонемой» (партнером моим был актер Ечменев), он, увидев черную шею, чуть не потерял сознание. Лисица на мне непрерывно линяла. Публика ве-

селилась при виде моей черной шеи, а с премьершей театра, сидевшей в ложе, бывшим моим педагогом, случилось нечто вроде истерики... (это была П.Л. Вульф). И это был второй повод для меня уйти со сцены.

* * *

– Знаете, вспоминала через полвека Раневская, – когда я увидела этого лысого на броневику, то поняла: нас ждут большие неприятности.

* * *

О своей жизни Фаина Георгиевна говорила:

– Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга – «Судьба – шлюха».

* * *

– В театре меня любили талантливые, бездарные ненавидели, шавки кусали и рвали на части.

* * *

Как я завидую безмозглым!

* * *

– Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной...

* * *

– Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я во-
ткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз.

* * *

– Я – выкидыш Станиславского.

* * *

– Я провинциальная актриса. Где я только ни служила!
Только в городе Вездесранске не служила!..

* * *

В свое время именно Эйзенштейн дал застенчивой, заикающейся дебютантке, только появившейся на «Мосфильме», совет, который оказал значительное влияние на ее жизнь.

«Фаина, – сказал Эйзенштейн, – ты погибнешь, если не научишься требовать к себе внимания, заставляя людей подчиняться твоей воле. Ты погибнешь, и актриса из тебя не получится!»

Вскоре Раневская продемонстрировала наставнику, что кое-чему научилась. Узнав, что ее не утвердили на роль в «Иване Грозном», она пришла в негодование и на чей-то вопрос о съемках этого фильма крикнула: «Лучше я буду продовать кожу с жопы, чем сниматься у Эйзенштейна!» Автору «Броненосца» незамедлительно донесли, и он отбил из Алма-Аты восторженную телеграмму: «Как идет продажа?»

* * *

Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом. Вы меня можете пощупать в метро. Это я там стою, полусклоняюсь, в купальной шапочке и медных трусиках, в которые все октябрюта стремятся залезть. Я работаю в метро скульптурой. Меня отполировало такое количество лап, что даже великая проститутка Нана могла бы мне позавидовать.

* * *

– Я, в силу отпущенного мне дарования, пропищала как комар.

* * *

— Я жила со многими театрами, но так и не получила удовольствия.

* * *

Раневская вспоминала:

— Ахматова мне говорила: «Вы великая актриса». И тут же добавляла: «Ну да, я великая артистка, и поэтому я ничего не играю, меня надо сдать в музей. Я не великая артистка, а великая жопа».

* * *

Долгие годы Раневская жила в Москве в Старопименовском переулке. Ее комната в большой коммунальной квартире упиралась окном в стену соседнего дома и даже в светлое время суток освещалась электричеством. Приходящим к ней впервые Фаина Георгиевна говорила:

— Живу, как Диоген. Видите, днем с огнем!

Марии Мироновой она заявила:

— Это не комната. Это сущий колодец. Я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

– Но ведь так нельзя жить, Фаина.

– А кто вам сказал, что это жизнь?

Миронова решительно направилась к окну. Подергала за ручку, остановилась. Окно упиралось в глухую стену.

– Господи! У вас даже окно не открывается...

– По барышне говядина, по дерьму черепок...

Эта жуткая комната с застекленным эркером была свидетельницей исторических диалогов и абсурдных сцен. Однажды ночью сюда позвонил Эйзенштейн. И без того неестественно высокий голос режиссера звучал с болезненной пронзительностью:

– Фаина! Послушай внимательно. Я только что из Кремля. Ты знаешь, что сказал о тебе Сталин?!

Это был один из тех знаменитых ночных просмотров, после которого «вождь народов» произнес короткий спич:

– Вот товарищ Жаров хороший актер, понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду, и все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает и все равно всегда разная...

* * *

– Как вы живете? – спросила как-то Ия Саввина Раневскую.

– Дома по мне ползают тараканы, как зрители по Генке Бортникову, ответила Фаина Георгиевна.

* * *

– Фаина Георгиевна, как ваши дела?

– Вы знаете, милочка, что такое говно? Так оно по сравнению с моей жизнью – повидло.

* * *

– Как жизнь, Фаина Георгиевна?

– Я вам еще в прошлом году говорила, что говно. Но тогда это был марципанчик.

* * *

– Жизнь – это затяжной прыжок из п...зды в могилу.

* * *

– Жизнь – это небольшая прогулка перед вечным сном.

* * *

– Жизнь проходит и не кланяется, как сердитая соседка.

* * *

– Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

* * *

– Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения».

* * *

– Почему вы не пишете мемуаров?
– Жизнь отнимает у меня столько времени, что писать о ней совсем некогда.

* * *

Раневская на вопрос, как она себя сегодня чувствует, ответила:

– Отвратительные паспортные данные. Посмотрела в паспорт, увидела, в каком году я родилась, и только ахнула...

* * *

– Паспорт человека это его несчастье, ибо человеку всегда должно быть восемнадцать, а паспорт лишь напоминает, что ты можешь жить как восемнадцатилетняя.

* * *

Раневская говорила:

– Старость это просто свинство. Я считаю, что это невежество Бога, когда он позволяет доживать до старости. Господи, уже все ушли, а я все живу. Бирман – и та умерла, а уж от нее я этого никак не ожидала. Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить!

* * *

«Третий час ночи... Знаю, не засну, буду думать, где достать деньги, чтобы отдохнуть во время отпуска мне, и не одной, а с П.Л. (Павлой Леонтьевной Вульф).

Перерыла все бумаги, обшарила все карманы и не нашла ничего похожего на денежные знаки...» 48-й год, 30 мая.

(Из записной книжки народной артистки)

* * *

Раневская с негодованием заявляет: — Ох уж эти несносные журналисты! Половина лжи, которую они распространяют обо мне, не соответствует действительности.

* * *

— Старая харя не стала моей трагедией — в 22 года я уже гримировалась старухой, и привыкла, и полюбила старух моих в ролях. А недавно написала моей сверстнице: «Старухи, я любила вас, будьте бдительны!»

Книппер-Чехова, дивная старуха, однажды сказала мне: «Я начала душиться только в старости».

Старухи бывают ехидны, а к концу жизни бывают и стервы, и сплетницы, и негодяйки... Старухи, по моим наблюдениям, часто не обладают искусством быть старыми. А к старости надо добреть с утра до вечера!

* * *

— Одиноко. Смертная тоска. Мне 81 год...

Сижу в Москве, лето, не могу бросить псину. Сняли мне

домик за городом и с сортиром. А в мои годы один может быть любовник – домашний клозет.

* * *

– Стареть скучно, но это единственный способ жить долго.

* * *

– Старость, говорила Раневская, это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина мочи идет на анализы.

* * *

– Старость – это когда беспокоят не плохие сны, а плохая действительность.

* * *

Раневская сказала Зиновию Паперному:

– Молодой человек! Я ведь еще помню порядочных людей... Боже, какая я старая!

* * *

Воспоминания это богатства старости.

* * *

– Успех – единственный непростительный грех по отношению к своему близкому.

* * *

– Спутник славы – одиночество.

* * *

– Одиночество как состояние не поддается лечению.

* * *

– Когда у попрыгуньи болят ноги, она прыгает сидя.

* * *

– Оптимизм – это недостаток информации.

* * *

Подводя итоги, Раневская говорила: – Я родилась недовыявленной и ухожу из жизни недопоказанной. Я недо...

* * *

– У меня хватило ума прожить жизнь глупо.

* * *

– Жизнь моя... Прожила около, все не удавалось. Как рыжий у ковра.

* * *

– Всю свою жизнь я проплавала в унитазе стилем баттерфляй.

* * *

– Ничего, кроме отчаяния от невозможности что-либо изменить в моей судьбе.

* * *

«Для меня всегда было загадкой – как великие актеры могли играть с артистами, от которых нечем заразиться, даже насморком. Как бы растолковать бездари: никто к вам не придет, потому что от вас нечего взять. Понятна моя мысль неглубокая?»

(Раневская, из зап. книжки)

* * *

Раневская говорила:

– Птицы ругаются, как актрисы из-за ролей. Я видела, как воробушек явно говорил колкости другому, крохотному и немощному, и в результате ткнул его клювом в голову. Все как у людей.

* * *

– Я не признаю слова «играть». Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене жить нужно.

* * *

– Это не театр, а дачный сортир. В нынешний театр я хожу так, как в молодости шла на аборт, а в старости рвать зубы. Ведь знаете, как будто бы Станиславский не рождался. Они удивляются, зачем я каждый раз играю по-новому.

* * *

О новой актрисе, принятой в театр «Моссовета»:

– И что только не делает с человеком природа!

* * *

– У нее не лицо, а копыто, – говорила об одной актрисе Раневская.

* * *

– Смесь степного колокольчика с гремучей змеей, – говорила она о другой.

* * *

Главный художник «Моссовета» Александр Васильев характеризовался Раневской так: «Человек с укусным голосом».

* * *

О коллегах-артистах:

– У этой актрисы жопа висит и болтается, как сумка у гусара.

* * *

– У него голос – будто в цинковое ведро ссыт.

* * *

Об одном режиссере:

– Он умрет от расширения фантазии.

* * *

– Пипи в трамвае – все, что он сделал в искусстве.

* * *

Раневская о проходящей даме: – Такая задница называется «жопа-игрунья».

* * *

А о другой: «С такой жопой надо сидеть дома!»

* * *

Обсуждая только что умершую подругу-актрису:

– Хотелось бы мне иметь ее ноги – у нее были прелестные ноги! Жалко – теперь пропадут...

* * *

Однажды Раневская участвовала в заседании приемной комиссии в театральном институте.

Час, два, три...

Последней абитуриентке в качестве дополнительного вопроса достается задание:

– Девушка, изобразите нам что-нибудь очень эротическое, с крутым обломом в конце...

Через секунду приемная комиссия слышит нежный стон:

– А... аа... ааа... Аа-а-а-пчхи!!!

* * *

Раневская и Марецкая идут по Тверской. Раневская говорит:

– Тот слепой, которому ты подала монетку, не притвора, он действительно не видит.

– Почему ты так решила?

– Он же сказал тебе: «Спасибо, красотка!»

* * *

Встречаются Раневская и Марлен Дитрих.

– Скажите, – спрашивает Раневская, – вот почему вы все такие худенькие да стройненькие, а мы – большие и толстые?

– Просто диета у нас особенная: утром – кекс, вечером секс.

– Ну, а если не помогает?

– Тогда мучное исключить.

* * *

– Критикессы – амазонки в климаксе.

* * *

– Когда нужно пойти на собрание труппы, такое чувство, что сейчас предстоит дегустация меда с касторкой.

* * *

– Деляги, авантюристы и всякие мелкие жулики пера! Торгуют душой, как пуговицами.

* * *

Режиссера Варпаховского предупреждали: будьте бдительны. Будьте настороже. Раневская скажет вам, что родилась в недрах МХАТа.

– Очень хорошо, я и сам так считаю.

– Да, но после этого добавит, что вас бы не взяли во МХАТ даже гардеробщиком.

– С какой стати?

– Этого не знает никто. Она все может сказать.

– Я тоже кое-что могу.

– Не делайте ей замечаний.

– Как, вообще?!

– Говорите, что мечтаете о точном психологическом рисунке.

– И все?

– Все. Впрочем, этого тоже не говорите.

– Но так же нельзя работать!

– Будьте бдительны.

– Фаина Георгиевна, произносите текст таким образом, чтобы на вас не оборачивались.

– Это ваше режиссерское кредо?

– Да, пока оно таково.

– Не изменяйте ему как можно дольше. Очень мило с вашей стороны иметь такое приятное кредо. Сегодня дивная погода. Весной у меня обычно болит жопа, ой, простите, я хотела сказать спинной хребэт, но теперь я чувствую себя как институтка после экзамена... Посмотрите, собака! Психна моя бедная! Ее, наверно, бросили! Иди ко мне, иди... погладьте ее немедленно. Иначе я не смогу репетировать. Это мое актерское кредо. Пусть она думает, что ее любят. Знаете, почему у меня не сложилась личная жизнь и карьера? Потому что меня никто не любил. Если тебя не любят, нельзя ни репетировать, ни жить. Погладьте еще, пожалуйста...

– Все, что вы делаете, изумительно, Фаина Георгиевна.

Буквально одно замечание. Во втором акте есть место, – я попросил бы, если вы, разумеется, согласитесь...

Следовала нижайшая просьба.

Вечером звонок Раневской:

– Нелочка, дайте мне слово, что будете говорить со мной искренне.

– Даю слово, Фаина Георгиевна.

– Скажите мне, я не самая паршивая актриса?

– Господи, Фаина Георгиевна, о чем вы говорите! Вы удивительная! Вы прекрасно репетируете.

– Да? Тогда ответьте мне: как я могу работать с режиссером, который сказал, что я говно?!

* * *

Кино – заведение босяцкое.

* * *

О своих работах в кино: «Деньги съедены, а позор остался».

* * *

– Сняться в плохом фильме все равно что плюнуть в веч-

НОСТЬ.

* * *

– Получаю письма: «Помогите стать актером». Отвечаю: «Бог поможет!»

* * *

– Когда мне не дают роли, чувствую себя пианисткой, которой отрубили руки.

* * *

– Жемчуг, который я буду носить в первом акте, должен быть настоящим, – требует капризная молодая актриса.

– Все будет настоящим, – успокаивает ее Раневская: – Все: и жемчуг в первом действии, и яд – в последнем.

* * *

Раневская всю жизнь мечтала о настоящей роли. Говорила, что научилась играть только в старости. Все годы копила умение видеть и отражать, понимать и чувствовать, но чем тверже овладевала грустной наукой существования, тем оче-

виднее становилась невозможность полной самореализации на сцене. Оказалось, нет для нее ни Роли, ни Режиссера. Роль не придумали. Режиссер не родился.

* * *

Увидев исполнение актрисой Х. роли узбекской девушки в спектакле Кахара в филиале «Моссовета» на Пушкинской улице, Раневская воскликнула: «Не могу, когда шлюха корчит из себя невинность!»

* * *

Раневская хотела попасть в труппу Художественного театра.

Качалов устроил встречу с Немировичем-Данченченко. Волнуясь, она вошла в кабинет. Владимир Иванович начал беседу – он еще не видел Раневскую на сцене, но о ней хорошо говорят. Надо подумать не войти ли ей в труппу театра. Раневская вскочила, стала кланяться, благодарить и, волнуясь, забыла имя и отчество мэтра: «Я так тронута, дорогой Василий Степанович!» – холодея произнесла она. «Он как-то странно посмотрел на меня, рассказывает Раневская, и я выбежала из кабинета, не простившись». Рассказала в слезах все Качалову. Он растерялся но опять пошел к Немирови-

чу с просьбой принять Раневскую вторично. «Нет, Василий Иванович, сказал Немирович, и не просите; она, извините, ненормальная. Я ее боюсь».

* * *

Однажды, посмотрев на Галину Сергееву, исполнительницу роли «Пышки», и оценив ее глубокое декольте, Раневская своим дивным басом сказала, к восторгу Михаила Ромма, режиссера фильма: «Эх, не имей сто рублей, а имей двух грудей».

* * *

Осенью 1942 года Эйзенштейн просил утвердить Раневскую на роль Ефросиньи в фильме «Иван Грозный». Министр кинематографии Большаков решительно воспротивился и в письме секретарю ЦК ВКП(б) Щербакову написал: «Семитские черты Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах».

* * *

В разговоре Василий Катанян сказал Раневской, что смотрел «Гамлета» у Охлопкова.

– А как Бабанова в Офелии? спросила Фаина Георгиевна.

– Очень интересна. Красива, пластична, голосок прежний...

– Ну, вы, видно, добрый человек. Мне говорили, что это болонка в климаксе, – съязвила Раневская.

* * *

Охлопков репетировал спектакль с Раневской. Она на сцене, а он в зале, за режиссерским столиком. Охлопков: «Фанечка, будьте добры, станьте чуть левее, на два шага. Так, а теперь чуть вперед на шажок». И вдруг требовательно закричал: «Выше, выше, пожалуйста!» Раневская поднялась на носки, вытянула шею, как могла. «Нет, нет, – закричал Охлопков, – мало! Еще выше надо!» «Куда выше, – возмутилась Раневская, – я же не птичка, взлететь не могу!»

«Что вы, Фанечка, – удивился Охлопков, – это я не вас: за нашей спиной монтировщики флажки вешают!»

* * *

– Приходите, я покажу вам фотографии неизвестных народных артистов СССР, зазывала к себе Раневская.

* * *

– Фаина Георгиевна! Галя Волчек поставила «Вишневый сад».

– Боже мой, какой ужас! Она продаст его в первом действии.

* * *

– У Юрского течка на профессию режиссера. Хотя актер он замечательный.

* * *

– Ну и лица мне попадаются, не лица, а личное скорбление! В театр вхожу как в мусоропровод: фальшь, жестокость, лицемерие. Ни одного честного слова, ни одного честного глаза! Карьеризм, подлость, алчные старухи!

* * *

...Тошно от театра. Дачный сортир. Обидно кончать свою жизнь в сортире.

* * *

«...Перестала думать о публике и сразу потеряла стыд. А может быть, в буквальном смысле «потеряла стыд» – ничего о себе не знаю.

...С упоением была бы морды всем халтурщикам, а терплю. Терплю невежество, терплю вранье, терплю убогое существование полунисицки, терплю и буду терпеть до конца дней.

Терплю даже Завадского».

(Из записной книжки)

* * *

Раневская постоянно опаздывала на репетиции. Завадскому это надоело, и он попросил актеров о том, чтобы, если Раневская еще раз опоздает, просто ее не замечать.

Вбегает, запыхавшись, на репетицию Фаина Георгиевна:

– Здравствуйте!

Все молчат.

– Здравствуйте!

Никто не обращает внимания. Она в третий раз:

– Здравствуйте!

Опять та же реакция.

– Ах, нет никого?! Тогда пойду поссу.

* * *

– Доктор, в последнее время я очень озабочена своими умственными способностями, – жалуется Раневская психиатру.

– А в чем дело? Каковы симптомы?

– Очень тревожные: все, что говорит Завадский, кажется мне разумным...

* * *

– Нонна, а что, артист Н. умер?

– Умер.

– То-то я смотрю, он в гробу лежит...

* * *

– Ох, вы знаете, у Завадского такое горе!

– Какое горе?

– Он умер.

* * *

Раневская забыла фамилию актрисы, с которой должна была играть на сцене:

– Ну эта, как ее... Такая плечистая в задугу...

* * *

– Почему, Фаина Георгиевна, вы не ставите и свою подпись под этой пьесой? Вы же ее почти заново за автора переписали!

– А меня это устраивает. Я играю роль яиц: участвую, но не вхожу.

* * *

Узнав, что ее знакомые идут сегодня в театр посмотреть ее на сцене, Раневская пыталась их отговорить:

– Не стоит ходить: и пьеса скучная, и постановка слабая... Но раз уж все равно идете, я вам советую уходить после второго акта.

– Почему после второго?

– После первого очень уж большая давка в гардеробе.

* * *

Говорят, что этот спектакль не имеет успеха у зрителей?

— Ну, это еще мягко сказано, заметила Раневская. — Я вчера позвонила в кассу и спросила, когда начало представления.

— И что?

— Мне ответили: «А когда вам будет удобно?»

* * *

— Я была вчера в театре, рассказывала Раневская. — Актеры играли так плохо, особенно Дездемона, что когда Отелло душил ее, то публика очень долго аплодировала.

* * *

— Очень сожалею, Фаина Георгиевна, что вы не были на премьере моей новой пьесы, — похвастался Раневской Виктор Розов. Люди у касс устроили форменное побоище!

— И как? Удалось им получить деньги обратно?

* * *

– Ну-с, Фаина Георгиевна, и чем же вам не понравился финал моей последней пьесы?

– Он находится слишком далеко от начала.

* * *

Как-то она сказала:

– Четвертый раз смотрю этот фильм и должна вам сказать, что сегодня актеры играли как никогда.

* * *

Вернувшись в гостиницу в первый день после приезда на гастроли в один провинциальный город, Раневская со смехом рассказывала, как услышала перед театром такую реплику аборигена: «Спектакль сегодня вечером, а они до сих пор не могут решить, что будут играть!»

И он показал на афишу, на которой было написано «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

* * *

Раневская повторяла:

«Мне осталось жить всего сорок пять минут. Когда же мне все-таки дадут интересную роль?»

Ей послали пьесу Жана Ануя «Ужин в Санлисе», где была маленькая роль старой актрисы. Вскоре Раневская позвонила Марине Нееловой:

«Представьте себе, что голодному человеку предложили монпансье. Вы меня поняли? Привет!»

* * *

В Театре имени Моссовета, где Раневская работала последние годы, у нее не прекращались споры с главным режиссером Юрием Завадским. И тут она давала волю своему острому языку.

Когда у Раневской спрашивали, почему она не ходит на беседы Завадского о профессии актера, Фаина Георгиевна отвечала:

– Я не люблю мессу в бардаке.

* * *

Во время репетиции Завадский за что-то обиделся на актеров, не сдержался, накричал и выбежал из репетиционного зала, хлопнув дверью, с криком: «Пойду повешусь!» Все были подавлены. В тишине раздался спокойный голос Раневской: «Юрий Александрович сейчас вернется. В это время он ходит в туалет».

* * *

В «Шторме» Билль-Белоцерковского Раневская с удовольствием играла Спекулянтку. Это был сочиненный ею текст автор разрешил. После сцены Раневской – овация, и публика сразу уходила. «Шторм» имел долгую жизнь в разных вариантах, а Завадский ее Спекулянтку из спектакля убрал. Раневская спросила у него: «Почему?»

Завадский ответил: «Вы слишком хорошо играете свою роль спекулянтки, и от этого она запоминается чуть ли не как главная фигура спектакля...»

Раневская предложила: «Если нужно для дела, я буду играть свою роль хуже».

* * *

Однажды Завадский закричал Раневской из зала: «Фаина, вы своими выходками сожрали весь мой замысел!» «То-то у меня чувство, как будто наелась говна», – достаточно громко пробурчала Фаина. «Вон из театра!» – крикнул мэтр. Раневская, подойдя к авансцене, ответила ему: «Вон из искусства!!»

* * *

Отзывчивость не была сильной стороной натуры Завадского. А долго притворяться он не хотел. Когда на гастролях у Раневской случился однажды сердечный приступ, Завадский лично повез ее в больницу. Ждал, пока снимут спазм, сделают уколы.

На обратном пути спросил: «Что они сказали, Фаина?» – «Что-что – грудная жаба».

Завадский огорчился, воскликнул: «Какой ужас – грудная жаба!» И через минуту, залюбовавшись пейзажем за окном машины, стал напевать: «Грудная жаба, грудная жаба».

* * *

Раневская говорила:

– Завадский простудится только на моих похоронах.

* * *

– Завадскому дают награды не по заслугам, а по потребностям. У него нет только звания «Мать-героиня».

* * *

– Завадскому снится, что он похоронен на Красной площади.

* * *

– Завадский родился не в рубашке, а в енотовой шубе.

* * *

Раневская называла Завадского маразматиком-затейником, **уцененным** Мейерхольдом, перпетуум кобеле.

* * *

Как-то она и прочие актеры ждали прихода на репетицию Завадского, который только что к своему юбилею получил звание Героя Социалистического Труда.

После томительного ожидания режиссера Раневская громко произнесла:

– Ну, где же наша Гертруда?

* * *

Раневская вообще была любительницей сокращений. Однажды начало генеральной репетиции перенесли сначала на час, потом еще на 15 минут. Ждали представителя райкома – даму очень средних лет, заслуженного работника культуры. Раневская, все это время не уходившая со сцены, в сильнейшем раздражении спросила в микрофон:

– Кто-нибудь видел нашу ЗасРаКу?!

* * *

Творческие поиски Завадского аттестовались Раневской не иначе как «капризы беременной кенгуру».

Делая скорбную мину, Раневская замечала:

– В семье не без режиссера.

* * *

Раневская говорила начинающему композитору, сочинившему колыбельную:

– Уважаемый, даже колыбельную нужно писать так, чтобы люди не засыпали от скуки...

* * *

Как-то раз Раневскую остановил в Доме актера один поэт, занимающий руководящий пост в Союзе писателей.

– Здравствуйте, Фаина Георгиевна! Как ваши дела?

– Очень хорошо, что вы спросили. Хоть кому-то интересно, как я живу! Давайте отойдем в сторонку, и я вам с удовольствием обо всем расскажу.

– Нет-нет, извините, но я очень спешу. Мне, знаете ли, надо еще на заседание...

– Но вам же интересно, как я живу! Что же вы сразу убегаете, вы послушайте. Тем более что я вас не задержу надолго, минут сорок, не больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.